

DOI 10.15826/izv2.2021.23.1.014
УДК 332.142:323.2 + 001.89(571)

Е. Т. Артемов
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПРИОРИТЕТОВ

Статья посвящена характеристике путей и способов определения приоритетов в позднесоветской экономической политике. На основании анализа документальных источников и имеющегося историографического задела обосновывается вывод, что их выбор, как правило, осуществлялся вне рамок рутинного народно-хозяйственного планирования. Они оформлялись в виде проектов (мегапроектов, программ) государственного значения. Их реализация оказала огромное влияние на экономическое развитие страны. Достаточно назвать создание ядерно-оружейного комплекса и ракетно-космической отрасли, организацию Сибирского отделения АН СССР, хозяйственное освоение Западно-Сибирской нефтегазовой провинции, формирование территориально-производственных комплексов Ангаро-Енисейского региона, строительство Байкало-Амурской магистрали и т. д. Решения о «запуске» этих программ принимались в виде «постановлений партии и правительства» по, казалось бы, частным вопросам. Но под них подстраивались при составлении (корректировке) и перспективных, и оперативных планов. Так, как бы явочным порядком фиксировались экономические цели национального значения. И чем жестче были использовавшиеся методы организации работы, тем больше достигнутые результаты соответствовали первоначальному замыслу. Наглядным тому примером является атомный проект. Однако, либерализация режима и трансформация командной экономики в «экономику согласований» привели к снижению действенности административных методов управления. В отсутствие рыночных сигналов и санкций это неизбежно вело к рассогласованию планов и результатов экономического развития. К концу советской эпохи возобладало мнение, что только перевод экономики на «рыночные рельсы» повысит их сбалансированность. Однако понимания, как это сделать, не было — отсюда череда непродуманных действий, обернувшихся полной утратой централизованного планирования и управления экономикой, в результате чего она, не направляемая ни командами «сверху», ни рынком, оказалась в состоянии «свободного падения».

Ключевые слова: позднесоветская экономическая политика; командная экономика; народнохозяйственное планирование; атомный проект; Сибирское отделение АН СССР

Цитирование: Артемов Е. Т. Экономическая политика позднесоветской эпохи: проблема выбора приоритетов // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 1. С. 210–224. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.014>

Поступила в редакцию: 09.07.2020

Принята к печати: 15.12.2020

Eugeniy T. Artemov

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Yekaterinburg, Russia*

ECONOMIC POLICY OF THE LATE SOVIET PERIOD: THE PROBLEM OF SETTING PRIORITIES

This article examines the ways and means used to set priorities in the late Soviet economic policy. Referring to the analysis of documents and existing historiography, the author substantiates the conclusion about the fact that their choice was made outside of the routine national economic planning framework. They were structured as projects (megaprojects, programmes) of national significance. Their implementation had a tremendous effect on the country's economic development. It would suffice to mention the creation of the nuclear weapons complex and the aerospace industry, the establishment of the Siberian branch of the USSR Academy of Sciences, the economic development of the West Siberian oil and gas province, the formation of the territorial production conglomerations in the Angara-Yenisei region, the construction of the Baikal-Amur highway, etc. Decisions on launching these programmes were made in the form of "resolutions of the Communist Party and Government". However, it was necessary to conform to them in the process of both long-term and operational planning (adjustment). In this way, the national scale economic goals were set apparently without any prior discussion. Moreover, the tougher the administrative regulation methods, the closer were the results achieved to the initial intentions. A very good example of this was the nuclear project. At the same time, the liberalisation of the regulation mode and the transformation of the "command" economy into the economy of "coordinated approvals" resulted in the loss of administrative regulation efficiency. In the absence of market signals or sanctions, this inevitably led to a misalignment of the economic development plans and results. By the end of the Soviet period, the prevailing opinion was that the only way to improve the balance would be a move of the economy to a "market-based track". However, there was no clarity on how to do this. Hence, a series of ill-conceived actions, resulting in a complete loss of centralised planning and management. Not being guided by any commands "from above" or the market, the economy was in a state of "free fall".

Key words: late Soviet economic policy; command economy; national economic planning; nuclear project; Siberian Branch of the Academy of Sciences of the USSR

For citation: Artemov, E. T. (2021). Ekonomicheskaya politika pozdnesovetskoi epokhi: problema vybora prioriteto [Economic Policy of the Late Soviet Period: The Problem of Setting Priorities]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*, 23(1), 210–224. <https://doi.org/10.15826/izv2.2021.23.1.014>

Submitted: 09.07.2020

Accepted: 15.12.2020

Введение

В послевоенной советской экономической истории есть ряд событий, которые можно назвать «визитной карточкой» эпохи. В современной историографии

связанные с ними мероприятия называют проектами (мегапроектами, программами) государственного значения. Справедливо отмечается, что их осуществление оказало огромное влияние на траекторию экономического развития страны. Однако должного понимания, как они вписывались в экономическую политику, пока нет. И это несмотря на необъятную научную литературу, посвященную планированию советской экономики. В их числе, естественно, работы советского периода. Многие из них не утратили своего научного значения [Белюсов; Залкинд, Мирошниченко; и др.]. Однако они, по большому счету, были нацелены не столько на объективную оценку сложившейся практики, сколько на обоснование преимущества «социалистической системы хозяйствования». В современной историографии такой подход в основном преодолен. Выполнены исследования, позволяющие судить о реальных целях советской экономической политики, логике народнохозяйственного планирования, причинах расхождения утвержденных на «самом верху» проектировок и достигнутых результатов, и т. д. [Артемов, 2006; Грегори; Корнаи; Ольсевич, Грегори; Шестаков; Юнь; и др.]. Тем не менее, проблема реконструкции механизмов выбора стратегических приоритетов сохраняет свою актуальность. Думается, что многое здесь может прояснить обращение к опыту создания ядерно-оружейного комплекса и организации Сибирского отделения АН СССР. Конечно, соответствующие проекты существенно отличались и по своим масштабам, и по долгосрочным последствиям. Но с другой стороны, это как раз тот случай, когда их сопоставление вполне оправданно. Такой ракурс исследования позволяет получить наглядное представление, чем мотивировался выбор приоритетов экономической политики на «взлете» советской индустриальной системы, какие способы мобилизации ресурсов использовались, какова была их результативность и почему к концу «советского века» стратегическое планирование утратило свою действенность.

Особенности народнохозяйственного планирования

В советскую эпоху «основным методом осуществления экономической политики» называлось народнохозяйственное планирование. В теории его процесс описывался следующим образом. Основные направления социально-экономического развития определяют высшие органы партийно-государственной власти. Они учитывают «объективные потребности» и возможности страны, а «всемирное обсуждение» разрабатываемых проектировок позволяет выйти на оптимальное сочетание интересов общества, отдельных коллективов и каждого трудящегося. Итоги проведенной работы подводят съезды партии. Они утверждают контрольные цифры развития народного хозяйства, в соответствии с которыми устанавливаются обязывающие плановые задания [Ефимов].

Однако в реальности система работала иначе. В современной историографии наглядно показано, что вектор экономической политики задавался политико-идеологическими устремлениями правящей элиты. Плановые задания были плохо сбалансированы и постоянно корректировались. В результате темпы

и пропорции развития производства, запланированные объемы выпуска продукции и т. д. существенно расходились с принятыми на старте показателями. Вместе с тем, как правило, де-факто признается «сознательный», «централизованный» характер выбора экономического курса. Однако, ряд исследователей уже давно обратил внимание на условность декларируемой плановости управления экономикой. По их мнению, пятилетки скорее выполняли пропагандистскую функцию, а оперативные (годовые) планы представляли собой лишь один из элементов текущего управления. Поэтому советскую экономику следует называть «централизованно управляемой», «командной», а не «централизованно планируемой», как продолжают делать многие исследователи [Грегори, с. 154–163; Корнаи, с. 136–156].

Впрочем, советское руководство никогда не абсолютизировало плановость «социалистического производства». Главный конструктор советской экономической системы И. В. Сталин считал, что нельзя себя «связывать» народнохозяйственными планами. Они нуждаются в «изменении и совершенствовании» по ходу дела [Сталин, с. 347; Малышев, с. 134]. Такая установка определяла «мягкую» практику планирования, это подтверждается многочисленными фактами. Но здесь сразу возникает вопрос: как тогда фиксировались стратегические цели народнохозяйственного развития. Есть мнение, что его приоритеты вообще не нужно было формулировать в явном виде, их и так все хорошо знали и учитывали в своей деятельности. Они заключались в форсировании темпов экономического роста, опережающем развитии тяжелой промышленности, максимальном наращивании военной мощи [Zaleski, p. 503, 504].

Однако очевидно, что даже при согласии по принципиальным вопросам существовал широкий спектр возможных направлений экономического курса. Проблему выбора приоритетов пытались решить при помощи так называемой «цепочки Кржижановского». Она предполагала органичное сочетание годовых, пятилетних и генеральных (долгосрочных) народнохозяйственных планов. Впервые ее попытались реализовать накануне и сразу после окончания Великой Отечественной войны. Инициатором этого начинания был Н. А. Вознесенский. В своем обращении в Политбюро ЦК ВКП(б) он писал, что для «правильного» руководства экономикой нужна согласованность текущих и перспективных целей. Для обоснования своего предложения Н. А. Вознесенский также использовал политико-идеологическую риторику. По его мнению, расширение горизонта народнохозяйственного планирования позволит конкретизировать положения новой программы ВКП(б), разработкой которой тогда «озаботилось» высшее политическое руководство. И в августе 1947 г. Политбюро ЦК поручило Госплану СССР «приступить к составлению генерального хозяйственного плана СССР» [Политбюро ЦК ВКП(б)..., с. 243–244].

Многие руководители производства весьма сдержанно отнеслись к вытекающим отсюда поручениям. От них требовалось разработать показатели, которые, по сути, путем подгонки цифр свидетельствовали бы о реальности решения «поставленной товарищем Сталиным» задачи: в течение 20 лет

«перегнать главные капиталистические страны в производстве на душу населения чугуна, стали, топлива, электроэнергии, машин и других средств производства и потребления» [Артемов, 2013, с. 155]. Пропагандистский характер такой целевой установки был очевиден. Отсюда желание хозяйственных руководителей «спустить» порученное им дело на «тормозах». Сказанное хорошо иллюстрирует позиция Первого главного управления при Совете Министров СССР (исполнительного органа атомного проекта). Ему, как и другим министерствам, предписали подготовить предложения о развитии подведомственной отрасли «на ближайшие 20 лет». Не желая заниматься «пустым» делом, руководство ПГУ опротестовало это поручение. Свою позицию оно аргументировало отсутствием «достаточной ясности перспектив» использования атомной энергии, неприемлемым «отрывом академика Курчатова и других нужных людей в ущерб задачам, которые предстоит решить в ближайшие месяцы». В конечном счете, все закончилось указанием главного администратора атомного проекта Л. П. Берии: «20-летний план специальных работ не создавать» [Артемов, 2017, с. 133, 134]. Но для других отраслей производства подготовка его проектировок была из числа поручений, от которых не отказываются. Ее свернули только после смещения Н. А. Вознесенского со всех постов и его ареста в 1949 г. Но сама идея разработки долгосрочного народнохозяйственного плана продолжала жить.

К ней вернулись в конце 1950-х гг. Это было связано с возобновлением подготовки новой партийной программы. В концептуальном отношении она осуществлялась по прежним лекалам «коммунистического прожектёрства» [Стенографическая запись заседания Президиума...], включая Генеральную перспективу развития народного хозяйства на 1961–1980 гг. Последняя предусматривала стремительное наращивание физических объемов выпуска основных видов продукции как необходимое условие «построения материально-технической» базы коммунизма. Под эту идеологическую конструкцию подстраивались все расчеты экономической динамики. Неудивительно, что утвержденные проектировки оказались невыполнимы.

Ведомственный диктат

Провал хрущевской Генеральной перспективы подвиг руководство страны к проведению так называемой косыгинской реформы, запущенной в середине 1960-х гг. [Косыгин]. Она предусматривала «усиление» материального стимулирования производства и «повышение» качества планирования за счет придания ему большей целевой направленности [КПСС, т. 10, с. 440–482]. Большие надежды здесь связывались с внедрением в управленческую практику проектных методов. Сначала целевой подход нашел применение при определении путей решения частных задач. В рамках отраслевого планирования принимались многочисленные программы технического перевооружения производства, разработки новых технологий, выпуска отдельных видов продукции и т. д. Они,

как правило, осуществились вполне удовлетворительно. Это стимулировало использование программных методов решения проблем межрегионального и межотраслевого характера. Но результативность соответствующих программ оказалась невысокой. Причина заключалась в преобладании отраслевого принципа управления и планирования, искажавшего последовательность программных действий, снижавшего проектную дисциплину. По существу, содержание таких программ определялось не логикой достижения конечных целей, а узко-ведомственными интересами.

Исключения наблюдались лишь в военно-промышленном комплексе. Здесь с середины 1970-х гг. начали составляться целевые межведомственные программы. Спустя десять лет они превратились в основной инструмент пятилетнего и годового планирования деятельности военно-промышленных ведомств. Такого результата удалось добиться благодаря единому заказчику выпускаемой продукции в лице Министерства обороны и усилиям Государственной комиссии Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, обладавшей обширными полномочиями. Они смогли ранжировать приоритеты и сформулировать «портфель заказов» с обязательными для исполнителей заданиями на разработку и производство вооружения и боевой техники [Маслюков, Глубоков, с. 122–127]. Это позволило повысить эффективность оборонных расходов. Однако качество стратегического планирования в масштабах всей экономики продолжало снижаться.

Чтобы переломить ситуацию, на рубеже 1970–1980-х гг. был принят ряд партийно-правительственных постановлений. Они предусматривали усиление централизованного начала в планировании, расширение его горизонта, повышение обоснованности утверждаемых заданий и т. д. [Совершенствование хозяйственного механизма, с. 5–37, 55–57, 68–79, 129] Важная роль здесь отводилась Комплексной программе научно-технического прогресса (КПНТП СССР), содержащей прогнозные оценки и ориентиры развития науки, техники, производства на 20-летний период. На этой основе намечалось определять перспективные направления экономического и социального развития страны. Затем их установки предполагалось конкретизировать в пятилетних и годовых планах, содержащих сбалансированные между собой целевые программы ведомственного, регионального, межотраслевого и народнохозяйственного уровня. По существу, это была попытка осовременить все ту же «цепочку Кржижановского». Только теперь приоритеты экономической политики следовало определять на основе «научного подхода», а не в соответствии с произвольно определенными «задачами коммунистического строительства».

В современной литературе есть разные оценки этих решений. Одни исследователи называют их «реформами», которые обладали завидным позитивным потенциалом, другие — считают их имитацией перемен, третьи — пытаются найти в них какое-то рациональное зерно. Но все солидарны в одном: попытки «улучшения» и «совершенствования» действующего порядка управления и планирования закончились безрезультатно [Ханин, с. 323–326]. Хозяйственные

министерства, по сути, блокировали любые изменения, справедливо считая, что это сокращает их возможности распоряжаться ресурсами. Решить проблему улучшения качества планирования попытались в годы перестройки. Центр его тяжести сместили на уровень отдельных предприятий. Однако, ликвидация всевластия отраслевых министерств, по выражению П. Грегори, создала «безголового монстра» в лице конгломерата разнородных предприятий. Не направляемый ни центром, ни министерствами, ни рынком, он «топтался во тьме», потеряв всякую ориентацию. И экономика страны оказалась в состоянии свободного падения [Грегори, с. 309].

Опыт атомного проекта

Печальный финал «социалистической системы хозяйствования» еще не означал фатальной неспособности советской экономики решать масштабные задачи. Достаточно назвать создание ядерно-оружейного комплекса и ракетно-космической отрасли, перевод железнодорожного транспорта на электрическую и тепловозную тягу, организацию Сибирского отделения АН СССР, хозяйственное освоение Западно-Сибирской нефтегазовой провинции, формирование территориально-производственных комплексов Ангара-Енисейского региона, строительство Байкало-Амурской магистрали и т. д. Однако, эти «шаги советской индустрии» заранее не планировались. Проблемы возникали ситуативно и для их решения устанавливался особый порядок работы.

Наиболее последовательно принцип чрезвычайности использовался на «взлете» советской индустриальной системы. Наглядным тому подтверждением является атомный проект. Его генеральная цель заключалась в ликвидации монополии Соединенных Штатов Америки на ядерное оружие, которая после Хиросимы и Нагасаки стала восприниматься как прямая угроза самому существованию Советского Союза. Так у страны появилась «задача номер один», как атомный проект стали называть даже в официальных документах. Общую картину работ представляли лишь И. В. Сталин и возглавлявший работы по созданию ядерного оружия Л. П. Берия, а также несколько человек из числа главных администраторов и научных лидеров проекта. Все остальные партийно-правительственные «иерархи», руководители министерств и ведомств, выполнявшие в атомном проекте отдельные задания, не участвовали ни в определении стратегических направлений его реализации, ни в разработке текущих управленческих решений.

Такой порядок планирования и организации работы открыл беспрецедентные возможности для мобилизации ресурсов в «обход» всех принятых планов «восстановления и развития народного хозяйства». Заявки атомного проекта на финансовые и материальные ресурсы удовлетворялись «независимо от степени обеспечения... других нужд». Генеральным подрядчиком при строительстве атомных объектов выступал Главпромстрой МВД, располагавший неограниченными возможностями для привлечения подневольной рабочей силы. Кадровая

проблема основного производства решалась путем отбора и мобилизации «лучших работников» страны [Артемов, 2019, с. 157–159].

Чтобы эта система работала, была создана «управленческая вертикаль», подчиненная непосредственно И. В. Сталину. На ее вершине находился Специальный комитет при Совете Министров СССР во главе с Л. П. Берией. Как директивный орган, он получил право в пределах своей компетенции давать поручения любым подразделениям государственной и партийной власти. Его исполнительные органы — Первое (ПГУ), а затем и Второе (ВГУ) главные управления при Совмине СССР — формулировали конкретные задания многочисленным участникам атомного проекта. Их своевременное и качественное выполнение жестко контролировали так называемые уполномоченные Совета Министров СССР. Они назначались из числа офицеров и генералов госбезопасности, подчинявшихся лично Л. П. Берии. Так управленческие и надзорные функции в атомном проекте оказались сосредоточены в одних руках, чего в советской практике хозяйствования ни прежде, ни позже не наблюдалось. Это позволяло Спецкомитету добиваться выполнения своих решений, игнорируя позицию отраслевых министерств, да и любых других властных инстанций.

Специфическую роль в атомном проекте играло годовое и пятилетнее планирование. Его показатели, утверждаемые Спецкомитетом, ни с кем не согласовывались. Необходимые для их достижения финансовые и материальные ресурсы детально даже не просчитывались. Планы работы, по существу, являлись внутренними «декларациями о намерениях». Но контрольные цифры выпуска «конечной продукции» — ядерных боезарядов — пересмотру не подлежали. Они устанавливались на грани технических возможностей. Тем не менее, каких-либо значимых отклонений от утвержденных параметров не наблюдалось. Так, пятилетним планом развития атомной промышленности на 1950–1954 гг. было предусмотрено изготовление «153 готовых изделий из плутония». Фактически удалось произвести 150 боезарядов [Артемов, 2017, с. 132, 133]. И это было впечатляющее совпадение планов и результатов.

Практика, принятая в атомном проекте, вызывала определенную напряженность в управленческой вертикали. Однако жесткая централизация власти позволяла легко блокировать проявления недовольства. К тому же большинство высших руководителей признавало необходимость чрезвычайных мер. Они понимали, что масштаб и сложность задачи создания ядерного оружия превышают адаптивные возможности стандартных методов управления и планирования. Вместе с тем в «руководящих кругах» осознавали, что такая модель организации работы не подлежит тиражированию. Было ясно, что страна не может выдержать расширения числа «специальных» секторов производства, использующих ресурсы «по потребности». Поэтому даже программа создания ракетно-космической техники не получила таких полномочий, какими располагал атомный проект, а с окончанием сталинской эпохи и он был постепенно переведен на стандартные для советской экономики принципы планирования, организации и мотивации работы.

Начало этому процессу положила ликвидация Спецкомитета. Для оперативного управления атомной отраслью создали Министерство среднего машиностроения. Однако ослабление централизованного начала в управлении экономикой привело к утрате должного контроля за его деятельностью. Фактически оно получило возможность беспрепятственно наращивать выпуск «готовой» продукции, пренебрегая критерием необходимости и достаточности. В 1986 г. СССР уже обладал 45 тыс. ядерных боезарядов [Харитон, Бриш, с. 199]. Это было в 2 раза больше, чем имели США, в 100 раз больше, чем Китай, в 125 раз больше, чем Франция и в 150 раз больше, чем Великобритания. Очевидно, что для создания такого ядерного арсенала потребовались огромные затраты, которые легли непосильным бременем на экономику.

Случай организации Сибирского отделения АН СССР

Несмотря на уникальность атомного проекта, его опыт все же использовался при решении других приоритетных задач. Уже во второй половине 1950-х гг. с помощью наработанных в нем подходов попытались добиться кардинального ускорения научно-технического прогресса как главного фактора повышения эффективности производства. В атомном проекте эту проблему решили за счет массового использования самых передовых научных и инженерных разработок. Теперь аналогичный подход взялись реализовать в масштабах всего народного хозяйства, что нашло отражение в решениях XX съезда партии [КПСС, т. 9, с. 33–51].

Шестым пятилетним планом ускорение научно-технического прогресса намечалось обеспечить за счет территориального «приближения» науки к производству и дополнительных вложений в ее материальную базу. Но здесь сразу возникли проблемы. Выделенные средства под влиянием отраслевых лоббистов распределялись фронтально по всему спектру научно-технической деятельности, что снижало эффективность их использования. Попытки перевода научно-технических организаций из Москвы и Ленинграда в места сосредоточения профильных отраслей промышленности также оказались мало результативными. У министерств были свои резоны сдержанно относиться к таким планам. Они рассматривали научные учреждения как продолжение своего аппарата, которые следовало держать у себя «под боком». К тому же в столичных центрах проще и дешевле было развивать отраслевую научно-техническую базу. Здесь имелаась готовая инфраструктура, сложившиеся научные и инженерные школы, да и сотрудники научно-технических организаций не желали менять столицы на периферию, а практика добровольно-принудительных мобилизаций в связи с либерализацией режима ушла в прошлое. Поэтому и Академия наук, и министерства лишь создавали видимость выполнения директивных указаний [Артемов, 2006, с. 157–161, 207–211, 227, 228].

«Пробуксовка» громогласно объявленных планов подвигла высшее политическое руководство к изменению тактики. Здесь как нельзя кстати пришлось

инициатива ряда крупных ученых. В свое время они внесли весомый вклад в реализацию атомного проекта, но затем — в силу различных причин — отошли от активной работы в его структурах. Им-то и принадлежала идея концентрации сил и средств на создание системы multidisciplinary центров фундаментальной и прикладной науки «по всей нашей необъятной Родине». Выступившие с такой инициативой академики М. А. Лаврентьев, С. Л. Соболев, М. А. Христианович, с одной стороны, руководствовались личными мотивами, считая, что могут вновь заняться «серьезным делом», с другой — были убеждены в перспективности такого способа ускорения научно-технического прогресса. Их предложения поддержал Н. С. Хрущев, и в мае 1957 г. Совмин СССР принял решение об организации Сибирского отделения АН СССР. Его ядром должен был стать мощный multidisciplinary академический научный центр, который планировалось построить под Новосибирском [Решения партии и правительства..., т. 4, с. 347–349]. Но выход соответствующего правительственного постановления уже не означал «безусловного исполнения» принятого решения. Угроза санкций, ранее являвшаяся главным мотивом выполнения установок высшего руководства, утратила былую действенность. Поэтому и инициаторам создания Сибирского отделения, и самому Н. С. Хрущеву приходилось постоянно маневрировать при согласовании конкретных мер с «заинтересованными» управленческими структурами.

Главная проблема заключалась в изыскании необходимых средств. Затраты на строительство нового научного центра были в масштабах страны не так уж и велики. Однако запланированная сумма составляла больше половины капитальных вложений, выделенных Академии наук на шестую пятилетку. Поэтому ее руководство категорически не желало относить на свой бюджет расходы на создание Сибирского отделения. Попытка найти необходимые средства путем сокращения ассигнований другим ведомствам также натолкнулась на жесткие возражения. Проблему решили нестандартным способом. Сибирское отделение получило статус республиканского министерства и стало финансироваться «отдельной строкой» из бюджета Российской Федерации. По идее, проведение затрат «по другому ведомству» позволяло Академии наук реализовать свои ранее утвержденные программы развития. На деле же она все равно оказалась в проигрыше. Установленные ей лимиты путем многоходовых «корректировок» и «уточнений» были перераспределены в пользу Сибирского отделения. В результате произошло резкое сокращение нового строительства академических институтов в европейской части страны [Несмеянов, с. 200].

Устойчивое финансирование и право самостоятельно распоряжаться выделенными ассигнованиями заметно облегчило решение других ключевых проблем создания Сибирского отделения. Удалось развернуть масштабное строительство новосибирского Академгородка с привлекательными условиями для работы и жизни приглашенных ученых. Это способствовало переезду сюда большой группы высококлассных специалистов. Они составили ядро коллективов вновь организуемых институтов. К августу 1964 г., когда был подписан акт приемки

новосибирского Академгородка, в его составе насчитывалось 14 институтов, университет, опытный завод, ряд других предприятий и организаций. Одновременно возвели жилье на 30 тыс. человек и многочисленные объекты культурно-бытового назначения [НАСО, ф. 10, оп. 3, д. 460, л. 11, 18, 19].

Академические институты Новосибирского научного центра практически сразу заняли достойное место на карте мировой науки. Однако создание его опытно-конструкторской базы столкнулось с серьезными трудностями. Главные надежды здесь связывались с организацией в зоне новосибирского Академгородка так называемого «пояса внедрения» — группы конструкторских, конструкторско-технологических бюро и институтов ряда министерств и ведомств, — призванного доводить результаты фундаментальных исследований до практического использования. Соответствующие постановления Совмин СССР принял в декабре 1966 г. Но наладить системное взаимодействие между институтами Сибирского отделения и организациями «пояса внедрения» не удалось. Министерства не видели резона заниматься проблемами, выходящими за узкоотраслевые рамки. Поэтому они шли только на те совместные работы, которые решали их текущие задачи. И несмотря на все правительственные постановления, изменить ситуацию так и не удалось [Артемов, 1990, с. 116–119].

Ничего не получилось и с масштабным тиражированием опыта создания Новосибирского научного центра. Аналогичные структуры намечалось организовать в Сибири, на Урале, Дальнем Востоке, Юге России и т. д. Этот замысел подкреплялся фантастическими планами наращивания научного потенциала «по всему фронту современных исследований». Согласно Генеральной перспективе развития советской науки на 1960–1980 гг., численность научных сотрудников в стране планировалось увеличить в четыре раза, ассигнования на исследования и опытно-конструкторские разработки — в десять раз, капитальные вложения в сферу науки и научного обслуживания — в тридцать раз [РГАЭ, ф. 7, оп. 3, д. 603, л. 24; д. 612, л. 277]. Эти проекты, как и другие показатели Генеральной перспективы, так и остались на бумаге. Реальный шаг в развитии системы комплексных научных центров был сделан лишь во второй половине 1980-х гг., когда приняли решение о создании Уральского и Дальневосточного отделений Академии наук. Но осуществить его в полном объеме до развала Советского Союза, разумеется, не удалось.

Заключение

Опыт реализации атомного проекта и организации Сибирского отделения АН СССР свидетельствует о важной особенности позднесоветской системы народнохозяйственного планирования. Ее отличительной особенностью являлась настроенность на развитие от «достигнутого уровня». Долгосрочные же приоритеты, как правило, определялись отдельными постановлениями «партии правительства» по, казалось бы, частным вопросам. Но под них подстраивались при составлении (корректировке) и перспективных, и текущих планов. Такая

практика сохранялась до последних дней советской эпохи. Характерный пример того времени — «запуск» строительства Байкало-Амурской магистрали. В директивах XXIV съезда КПСС по составлению девятого пятилетнего плана (на 1971–1975 гг.) о ней даже не упоминалось. Но в июле 1974 г. было принято решение за десять лет построить железнодорожную трассу длиной более 3 000 км в необустроенных районах со сложнейшими природно-климатическими условиями. Для большинства органов планирования и хозяйственного управления это оказалось полной неожиданностью, так что им пришлось «на ходу» перекраивать все реализуемые инвестиционные программы.

Эффективность подобных маневров напрямую зависела от действенности административных методов управления. Чем жестче они были, тем больше достигнутые результаты соответствовали первоначальному замыслу. Однако по мере либерализации режима действенность «административного нажима» неизбежно снижалась. Одновременно, в результате трансформации командной экономики в «экономику согласований», происходило прогрессирующее ослабление народнохозяйственного централизма в пользу ведомственного. Отсюда нарастающий вал сбоев в достижении намеченных на общегосударственном уровне целей. Даже при осуществлении таких, казалось бы, приоритетных программ, как создание Западно-Сибирского нефтегазового комплекса и строительства Байкало-Амурской магистрали, невыполнение установленных «на самом верху» заданий стало обыденным явлением [Шнипер]. И к концу советской эпохи сложилось устойчивое представление, что только использование рыночных механизмов может изменить ситуацию к лучшему. Другое дело, что понимания, как это сделать, у «руководящих кругов» не было. Правда, есть мнение, что «социалистическая система хозяйствования» вообще не подлежала реформированию: «вопрос стоял лишь о том, когда и как она рухнет» [Гайдар, с. 19]. Но такие умозаключения вызывают сомнения в силу своей безапелляционности. По крайней мере, Китаю удалось перевести свой аналог советской политико-экономической системы на «рыночные рельсы» без катастрофических потрясений [Коуз, Ван].

Источники

Косыгин А. Н. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. Доклад на пленуме ЦК КПСС. 27 сентября 1965 года // К великой цели : Избранные речи и статьи : в 2 т. Т. 1. М. : Политиздат, 1979. С. 316–350.

КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК : в 16 т. / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. Т. 9; 10. М. : Политиздат, 1986.

Мальшев В. А. Дневник наркома // Источник. 1997. № 5. С. 103–147.

НАСО — Научный архив Сибирского отделения РАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 460.

Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Министров СССР. 1945–1953 / сост. О. В. Хлевнюк, И. Горлицкий, Л. П. Кошелева и др. М. : РОССПЭН, 2002.

- РГАЭ — Российский государственный архив экономики. Ф. 7. Оп. 3. Д. 603, 612.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сб. документов, 1917–1967 / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. Т. 4 : 1953–1961. М. : Политиздат, 1968.
- Совершенствование хозяйственного механизма : сб. документов / под ред. А. Ф. Румянцева, А. В. Бачурина и др. М. : Правда, 1980.
- Сталин И. В. Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП(б) // Сталин И. В. Соч. Т. 12 : 1930. М. : Госполитиздат, 1949.
- Стенографическая запись заседания Президиума ЦК КПСС «О проекте Программы КПСС» // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1 : Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. ред. А. А. Фурсенко. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2004. С. 397–412.

Исследования

- Артемов Е. Т. Формирование и развитие сети научных учреждений АН СССР в Сибири. 1944–1980 гг. Новосибирск : Наука СО, 1990.
- Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М. : РОССПЭН, 2006.
- Артемов Е. Т. Восточные районы в проектировках предвоенного Генерального хозяйственного плана // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2013. Т. 43, № 1. С. 151–166. <http://dx.doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2013-1-151-166>
- Артемов Е. Т. Атомный проект в координатах сталинской экономики. М. : Политическая энциклопедия, 2017.
- Артемов Е. Т. Мобилизация и конкуренция в советском атомном проекте // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2019. Т. 49, № 7. С. 156–172. <http://dx.doi.org/10.30680/ЕСО0131-7652-2019-7-156-172>
- Белоусов Р. А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 1987.
- Гайдар Е. Т. Гибель империи. Уроки для современной России. 2-е изд., испр. и доп. М. : РОССПЭН, 2006.
- Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М. : РОССПЭН, 2006.
- Ефимов А. Н. Планирование народного хозяйства в СССР // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия : [в 4 т.] / гл. ред. А. М. Румянцев. Т. 3. М. : Советская энциклопедия, 1979. С. 243–251.
- Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П. Очерки развития народнохозяйственного планирования. М. : Экономика, 1980.
- Корнаи Я. Социалистическая система. Политическая экономия коммунизма. М. : НП «Журнал Вопросы экономики», 2000.
- Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим. М. : Новое издательство, 2016.
- Маслюков Ю. Д., Глубоков Е. С. Планирование и финансирование военной промышленности СССР // Вооружение России : в 2 т. Т. 1 : Советская военная мощь / рук. авт. коллектива А. В. Минаев. М. : Оружие и технологии, 2010. С. 114–161.
- Несмеянов А. Н. Без консультации с Академией наук // Век Лаврентьева / отв. ред.: акад. Н. Л. Добрецов, акад. Г. И. Марчук ; сост.: Н. А. Притвиц, В. Д. Ермиков, З. М. Ибрагимова. Новосибирск : СО РАН, 2000. С. 200–203.
- Ольсевич Ю., Грегори П. Плановая система в ретроспективе. Анализ и интервью с руководителями планирования СССР. М. : Экономический факультет МГУ : ТИЕС, 2000.
- Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время : в 2 т. Т. 1 : Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год. Новосибирск : НГГУ, 2008.
- Харитон Ю. Б., Бриш А. А. Ядерное вооружение // Вооружение России : в 2 т. Т. 1 : Советская военная мощь / рук. авт. коллектива А. В. Минаев. М. : Оружие и технологии, 2010. С. 162–203.

Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е — середине 60-х годов. М. : Наука, 2006.

Шинер П. И. Уроки программного решения региональных и межрегиональных проблем // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. 1989. Вып. 2. С. 3–18.

Юнь О. М. Планирование: уроки истории и перспективы. М. : РГНФ, 2014.

Zaleski E. Stalinist Planning for Economic Growth. 1933–1952. Chapel Hill : Univ. of North Carolina Press, 1980.

References

Artemov, E. T. (1990). *Formirovanie i razvitie seti nauchnykh uchrezhdenij AN SSSR v Sibiri. 1944–1980 gg.* [Formation and Development of a Network of Scientific Institutions of the USSR Academy of Sciences in Siberia. 1944–1980]. Novosibirsk: Nauka SO.

Artemov, E. T. (2006). *Nauchno-tehnicheskaja politika v sovetskoj modeli pozднеindustrialnoj modernizatsii* [Science and Technology Policy in the Soviet Model of Late Industrial Modernisation]. Moscow: ROSSPEN.

Artemov, E. T. (2013). Vostochnye rajony v proektirovках predvoennogo Generalnogo khozajstvennogo plana [Eastern Regions in the Design of the Pre-War General Economic Plan]. *EKO. Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal*, 43(1), 151–166. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2013-1-151-166>

Artemov, E. T. (2017). *Atomnyj proekt v koordinatakh stalinskoj ekonomiki* [Nuclear Project in the Coordinates of the Stalinist Economy]. Moscow: Politicheskaja entsiklopediia.

Artemov, E. T. (2019). Mobilizatsiia i konkurentsii v sovetskom atomnom proekte [Mobilisations and Competition in the Soviet Nuclear Project]. *EKO. Vserossijskij ekonomicheskij zhurnal*, 49(7), 156–172. <http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2019-7-156-172>

Belousov, R. A. (1987). *Istoricheskij opyt planovogo upravleniia ekonomikoj SSSR* [The Historical Experience of the Planned Management of the Economy of the USSR]. Moscow: Mysl'.

Coase R., & Wang, N. (2016). *Kak Kitaj stal kapitalisticheskim* [How China Became Capitalist]. Moscow: Novoe izdatelstvo.

Efimov, A. N. (1979). Politicheskaja ekonomiiia stalinizma [Planning the National Economy in the USSR]. In A. M. Rumyantsev (Ed.), *Ekonomicheskaja entsiklopediia. Politicheskaja ekonomiiia* [Economic Encyclopaedia. Political Economy] (Vol. 3, pp. 243–251). Moscow: Sovetskaja entsiklopediia.

Gaydar, E. T. (2006). *Gibel' imperii. Uroki dlja sovremennoj Rossii* [The Death of the Empire. Lessons for Modern Russia]. Moscow: ROSSPEN.

Gregory, P. (2006). *Politicheskaja ekonomiiia stalinizma* [The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives]. Moscow: ROSSPEN.

Khanin, G. I. (2008). *Ekonomicheskaja istoriia Rossii v noveishee vremia* [The Economic History of Russia in Modern Times] (Vol. 1). Novosibirsk: NGGU.

Khariton, Yu. B., & Brish, A. A. (2010). Iadernoe vooruzhenie [Nuclear Weapons]. In A. V. Minaev et al., *Vooruzhenie Rossii* [Armament of Russia] (Vol. 1, pp. 162–203). Moscow: Oruzhie i tekhnologii.

Kornai, J. (2000). *Sotsialisticheskaja sistema. Politicheskaja ekonomiiia kommunizma* [Socialist System. The Political Economy of Communism]. Moscow: NP “Zhurnal Voprosy ekonomiki”.

Maslyukov, Yu. D., & Glubokov, E. S. (2010). Planirovanie i finansirovanie voennoj promyshlennosti SSSR [Planning and Financing the Military Industry of the USSR]. In A. V. Minaev et al., *Vooruzhenie Rossii* [Armament of Russia] (Vol. 1, pp. 114–161). Moscow: Oruzhie i tekhnologii.

Nesmeyanov, A. N. (2020). Bez konsultatsii s Akademiej nauk [Without Consultation with the Academy of Sciences]. In N. L. Dobretsov, & G. I. Marchuk (Eds.), *Vek Lavrenteva* [Age of Lavrentev] (pp. 200–203). Novosibirsk: SO RAN.

Olseovich, Yu., & Gregory, P. (2000). *Planovaia sistema v retrospektive. Analiz i intervyu s rukovoditeliami planirovaniia SSSR* [Planned System in Retrospect. Analysis and Interviews with Planning Leaders of the USSR]. Moscow: Ekonomicheskij fakultet MGU; TIES.

Shestakov, V. A. (2006). *Sotsialno-ekonomicheskaja politika sovetskogo gosudarstva v 50-e — seredine 60-kh godov* [Socioeconomic Policy of the Soviet State in the 50s — mid 60s]. Moscow: Nauka.

Shniper, R. I. (1989). Uroki programmnoho resheniia regionalnykh i mezhtseionalnykh problem [Lessons from Programme Solutions to Regional and Interregional Problems]. *Izvestiia Sibirskogo otdeleniia AN SSSR. Seriia ekonomiki i prikladnoj sotsiologii*, 2, 3–18.

Yun, O. M. (2014). *Planirovanie: uroki istorii i perspektivy* [Planning: History Lessons and Perspectives]. Moscow: RGNE.

Zaleski, E. (1980). *Stalinist Planning for Economic Growth. 1933–1952*. Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Zalkind, A. I., & Miroschnichenko, B. P. (1980). *Ocherki razvitiia narodnokhozyaystvennogo planirovaniia* [Essays on the Development of National Economic Planning]. Moscow: Ekonomika.

Артемов Евгений Тимофеевич

доктор исторических наук, главный
научный сотрудник

Институт истории и археологии УрО РАН
620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской,
16

E-mail: iia-history@mail.ru

Artemov, Eugeny Timofeevich

Dr. Hab. (History), Leading Researcher
Institute of History and Archaeology UB RAS

16, S. Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
Email: iia-history@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3683-1063>